

ОТ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ СТРЕГА

CoRpus

ФРАНЧЕСКО ПИККОЛО МИНУТЫ БУДНИЧНОГО НЕ СЧАСТЬЯ

Вас ждет захватывающее чтение. Признавая, что жизнь не лишена неприятных минут, Пикколо говорит о них с веселой улыбкой.

CLASS

Франческо Пикколо

Минуты будничного несчастья

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48408187
Франческо Пикколо Минуты будничного несчастья:
ISBN 978-5-17-115848-4

Аннотация

Франческо Пикколо – прозаик, романист, автор сценариев к двум десяткам фильмов и телесериалов, лауреат одной из самых престижных литературных наград – премии Стрега – и не менее престижной кинопремии «Давид ди Донателло».

После шумного успеха книги «Минуты будничного счастья» он продолжил работу в том же жанре веселой мозаики, избрав на сей раз своим объектом будничные «несчастья», иначе говоря, все то, что в повседневной жизни может досаждать современному человеку. Забавные моменты невезения, воспоминания о любовных неудачах и остроумные наблюдения складываются в новый роман-коллаж о подлинных событиях из жизни автора. Обо всех своих «несчастьях» он повествует с юмором и итальянской жизнерадостностью.

В 2019 году на экраны вышел фильм режиссера Д. Лукетти «Минуты будничного счастья», основанный на сюжетах из обеих книг-близнецов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Бесхитростная мозаика Франческо Пикколо
Конец ознакомительного фрагмента.

6
39

Франческо Пикколо

Минуты будничного несчастья

First Italian edition is published by Giulio Einaudi editore
S.p.A.

© 2015 by Francesco Piccolo

© Е. Солонович, перевод на русский язык, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Издательство CORPUS ®

* * *

Бесхитростная мозаика Франческо Пикколо

В марте 2019 года на экраны итальянских кинотеатров вышел фильм «Минуты будничного счастья»¹. Сценаристы – и среди них Франческо Пикколо, автор одноименной книги, – дополнили содержание фильма эпизодами из его следующей книги «Минуты будничного несчастья», уместность которых не вызывает вопросов. Киноколлаж, искусно составленный из двух книг-близнецов, неопровержимо свидетельствует о приоритете литературного героя над его экранным образом.

Не знающих о существовании первой из двух книг-близнецов удивит при знакомстве с «Минутами будничного несчастья» слово «несчастье» в заглавии. Ну разве может человек считать несчастьем желание родных и друзей поздравить его с днем ангела? – спросит удивляющийся. Ну какое же это несчастье самому втянуть шнурки в новые туфли?

Успех «Минут будничного счастья» и на этот раз подсказал Пикколо идею сочетать в бесхитростной мозаике разно-великие детали, состоящие из воспоминаний, впечатлений, раздумий, поступков, разговоров.

«Феерия римских будней в исполнении человека, кото-

¹ Книга Франческо Пикколо “Минуты будничного счастья” в переводе Евгения Солоновича впервые вышла в издательстве CORPUS в 2012 году.

рый лукавит, шутит, священнодействует, становится в позу, берет обратно свои слова» – так назвал некогда «Минуты будничного счастья» автор рецензии в газете «Унита». Эта характеристика десятилетней давности актуальна и применительно к этой книге, тем более что некоторые из новых «минут» могли бы с успехом пополнить минутную копилку «близнеца», появившегося на свет первым.

Евгений Солонович

Посвящаю Андреа

*Две параллельные линии встречаются в
бесконечности, когда им на это уже наплевать.*

Марчелло Маркези

В прошлом году жена преподнесла мне на Рождество пакет из цветной бумаги с золотым бантом. Я тут же попробовал осторожно развернуть подарок, но у меня ничего не получилось. Я мучился до тех пор, пока, чтобы разорвать обертку, не пустил в ход зубы и ногти. Все это время жена, испуганная яростью, с какой я рвал бумагу, не сводила глаз с моего лица: ей не терпелось понять, нравится ли мне подарок.

Открыв наконец пакет и бросив взгляд на его содержимое, я растянул губы в широкую улыбку и сказал «спасибо».

– Тебе нравится? – спросила жена.

– Очень, – ответил я, не понимая, что передо мной такое.

Это был загадочный разноцветный предмет странной формы, догадаться о предназначении которого не хватало фантазии. Пока я показывал его окружающим, жена допытывалась:

– Ты понял, для чего эта штука?

– Конечно понял, – отвечал я все более нерешительно. И спрашивал всех подряд, поняли ли они, в тайной надежде, что кто-нибудь просветит меня и я смогу наконец-то заверить жену, что понял, и услышу от нее похвальное «Молодец, угадал».

Однако никому не удавалось понять, для чего эта штуковина – ведь для чего-то она все-таки должна была существовать. Это могла быть и безделушка из тех, что ставят на тумбочку или вешают на стену, мог быть предмет кухонной утвари – поди догадайся.

Ночью в постели я снова заверил жену, что подарок мне очень понравился, но что я, должен признаться, не понял, для чего он предназначается. При этом я поспешил прибавить, что это не имеет ровным счетом никакого значения, что подарок прекрасный, красивого цвета и особой формы. Это главное. И не важно, понял я или не понял, что это такое, тем более что этого не поняли и остальные – никто из тех, кому я эту штуковину успел показать. И ночью, в постели, в интимной обстановке, стараясь подавить раздражение

в голосе, я решился спросить ее:

– Что ты мне подарила? Для чего эта штука служит?

И ночью, в постели, в интимной обстановке, она призналась, что ни малейшего понятия не имеет, что это такое, и после того, как я увидел подарок и сказал, что он мне понравился, надеялась услышать от меня, для чего эта штука служит. Поэтому она продолжала задавать мне вопрос о ее предназначении. Дело в том, что, увидев ее в магазине, она сразу подумала обо мне, сразу решила, что мне эта вещь придется по вкусу, и купила ее.

Я не спросил, почему она сразу подумала обо мне. Не спросил потому, что мне это было неинтересно.

Утром, дождавшись часа открытия магазинов, мы пошли туда, где она купила мне подарок. Но и продавец не смог ответить на мучивший нас вопрос, заявив довольно грубым тоном, что не обязан знать, для чего служат все вещи, которые он продает.

Но мы не сдались. Мы нашли мейл фабрики и отправили по нему письмо такого примерно содержания:

Мы приобрели выпущенное вами то-то, нам оно очень нравится, но мы не понимаем, что это такое.

С фабрики нам ответили тут же, любезно объяснив, что таково их правило, относящееся к рождественским подаркам:

Если вещь красивая, если она вам нравится, не имеет значения, для чего она предназначена. Используйте ее,

как хотите.

Так или иначе, загадка назначения этой штуки не помешала владельцу магазина заказать ее и выставить на продажу, моей жене, ни минуты не задумываясь, купить ее для меня, а мне получить в подарок и похвалить.

Объяснение показалось нам достаточно убедительным и, главное, не выглядело отпиской. Оставалось утешать себя тем, что не только в магазине, но и на фабрике не знали, чем именно они нас озадачили.

С тех пор как мы успокоились и перестали ломать себе голову, я не расставался со злополучным подарком. Если я хотел воспользоваться им как зеркалом, если нам не удавалось открыть какой-то сосуд, если нужно было что-то отвинтить или завинтить, зажечь сигарету или помыть салат, я предлагал жене испробовать штуку, которую она подарила мне на Рождество. Но штука не действовала. Целый год я пробовал ее в разных случаях, пробовал, например, с ее помощью помыть машину, распечатать файл, брал ее в постель, чтобы вовлечь в нашу сексуальную жизнь, пробовал использовать как коробку для печенья, как микроволновку, проверял, будет ли она вставать вместо меня, чтобы ответить на звонок домофона. Я варил ее с рисом, я поливал ее водой, клал на батареи отопления или на голову во время дождя. Дошло до того, что я зачем-то купил для нее кошачий корм. Я то отводил ей место на кухонной полке, то вешал в коридоре на стену. Но толку от всего этого не было никакого.

Настало новое Рождество. И жена преподнесла мне пакет из цветной бумаги с золотым бантом.

– Открывай осторожно, чтобы не сломать, – предупредила она, желая этим сказать, что ни подарок, ни она не выдержат приступа ярости, овладевшего мной год назад.

Я попытался развязать бант, открыть сначала пакет, затем коробку, но у меня ничего не вышло. Тогда попробовала она, потом один за другим все домашние и друзья. Тщетно! Жена продолжала предупреждать: «Осторожно, не сломайте!» И вдруг меня осенило:

– Давайте попробуем той штукой.

Никто, кроме моей жены, не понял, какую штуку я имел в виду. Сходяв за ее прошлогодним рождественским подарком, я со всей возможной осторожностью воспользовался им, чтобы открыть рождественский подарок этого года. И мне это с легкостью удалось.

Говоря о подарке этого года, должен признаться, что для меня по-прежнему остается главной загадкой, почему он мог сломаться. Зато, к своему великому счастью, мне удалось понять наконец, для чего служит прошлогодний – для того, чтобы открывать рождественские подарки.

Не уверен, что его изобрели именно для этого. Так или иначе, но мы нашли ему применение. Лучше поздно, чем никогда.

Когда девушка, открыв калитку, остановилась, подождала меня и, пропуская, сказала: пожалуйста.

Если я должен представить себе минуту, когда моя жизнь покати́лась под откос, то вот она, эта минута.

Когда мне говорят: «Ты мог бы одеться получше». А я и так оделся получше.

Я засыпаю в поезде или в самолете, пусть совсем ненадолго. Открыв глаза, вижу перед соседом недопитый стакан апельсинового сока и пакетик с печеньем.

Тележка уже успела проехать, и неизвестно, вернется ли.

Минута, когда певец в конце концерта начинает одного за другим представлять музыкантов, и ты знаешь, что каждый из них собирается играть соло.

Друг говорит тебе: «Ты все равно идешь вниз, – торопливо завязывает пакет с мусором и вручает тебе. – Сделай одолжение, выброси в контейнер».

Ты должен сказать: «С удовольствием».

И спускаешься по лестнице с чужим мусором в протекающем, возможно, пакете.

Тыходишь к стоянке такси. Собираешься сесть в первую машину, но непонятно почему каждый раз оказывается, что очередь не ее: таксист, стоящий первым, отрицательно качает головой и знаком показывает тебе на другую

машину, не обязательно стоящую сразу за ним. При этом на его недовольном лице написано удивление: дескать, неужели трудно было понять, что не его очередь?

Заглавные титры спустя кучу времени после начала фильма.

Читаешь и думаешь: «А что же я смотрел до этого?»

Когда оказываешься перед дверью с табличкой *Staff only* («Только для персонала»), означающей, что простым смертным вход воспрещен.

Когда сдачу тебе дают монетами в пять центов, в два цента, в один цент...

Безусловно – цирк.

Достаточно проходить мимо (о том, чтобы переступить его порог, для меня не может быть и речи). Достаточно случайно увидеть афишу, свидетельствующую о том, что он в городе.

Я хороший отец: я провожаю детей в школу, перекидываюсь несколькими словами с мамами других ребят, говорю им, что у них красивые и милые дети. В один прекрасный день среди мам я отличаю одну: она хороша собой, она веселая и, надо сказать, соблазнительная. После этого мало-по-

малу я отдаляюсь от роли общительного родителя, интересующегося проблемами школы, чтобы сосредоточить внимание на этой маме, которая начинает нравиться мне, и я догадываюсь – чем черт не шутит? – что тоже ей нравлюсь. Я начинаю говорить тише и подхожу к ней ближе, иначе она не слышит, что я ей говорю, ведь я нарочно понизил голос. Я острою, стараюсь рассмешить ее, и она смеется, запрокинув голову. Несколько следующих дней я перед зеркалом проверяю утром, в форме ли я (то есть виден ли у меня живот), и, попрощавшись у школы с детьми, замечаю, что она стала одеваться наряднее и больше, чем раньше, пользуется макияжем. Я приглашаю ее выпить кофе, дальше мы начинаем обмениваться эсэмэсками – одна, другая, откровенничаем, смелеем. Потом, на некотором расстоянии от школы, – впрочем, не таком уж и большом – я ее целую. И то, что наши дети учатся в одной школе, не мешает нам сделаться любовниками.

Мы трахаемся по утрам. Проводим детей в школу – и удираем. Потрахались – и, как это обычно бывает с подобными парочками, болтаем голые в постели, хотя времени у нас немного: наступает минута, когда мы спохватываемся, что обоим ждет работа. С первого же раза мне становится понятно (нам становится понятно), что мы совсем не знаем друг друга, и единственная общая тема для разговора – школа: класс, учителя, оценки, домашние задания, школьные товарищи наших детей. И хотя поначалу мы избегаем этой темы,

совсем обойтись без нее нам не удается.

Не самое возбуждающее на свете занятие – трахаться с утра пораньше и потом болтать об учителях вообще или об учительнице математики в частности, если к тому же через несколько секунд после криков «Да! Да! Да!» любовница спрашивает, должны ли мы брать репетиторов по английскому или в какой бассейн я вожу сына.

Однажды утром она говорит мне, что не помнит, сдал ли я деньги на подарок Элизабетте – девочке, у которой в субботу день рождения, и я признаюсь, что хотел сдать, но забыл. Я знаю, что не должен делать того, что собираюсь сделать, но пользуюсь представившейся возможностью, тем более что не знаю, удастся ли нам увидеться до субботы. И я поднимаюсь с постели, где мы лежим голые, и, голый, иду к своим брюкам, достаю из бумажника десять евро и даю ей. Она берет деньги, но не знает, куда их деть, потому что она тоже голая, и пока держит их в руке, а потом, когда наконец поднимается, кладет в сумку и, по-прежнему совершенно голая, вычеркивает имя моего сына из списка тех, кто должен внести деньги на подарок.

На этом темы разговоров были исчерпаны. Больше мы не виделись.

Год пролетел незаметно.

Так мы говорим в конце каждого года.

Спрашивается: а что сказать о медленных годах, которые

никогда не проходят? Впрочем, на моем веку таких не было.

Ты должен кому-то позвонить. Звонишь, но оказывается, что его мобильник выключен. Ты раз за разом повторяешь попытку, после чего, отчаявшись, посылаешь эсэмэски – все более встревоженные. Наконец, далеко не сразу, приходит ответ. Ты читаешь его с радостным нетерпением.

Увы, это всего лишь: «Вызываемый абонент снова доступен».

Короче говоря, все это время ты топтался на месте.

Когда уборщица звонит сказать, что сегодня она не может прийти.

Ветровое стекло покрыто слоем грязи. Инстинкт подсказывает решение: включить стеклоомыватель и дворники.

С этой минуты видимость становится в сто раз хуже.

Когда в голову приходит идея, которая кажется мне прекрасной, настолько прекрасной, что забыть ее, я уверен, невозможно. Вскоре, однако, все попытки вспомнить ее остаются втуне. Помню только, что это была прекрасная идея, но к чему она относилась, хоть убей, не знаю.

Растения в доме.

Они занимают место.

Когда девочка в школьном дворе, по-моему понятия не имеющая о сложности жизни, спросила мою дочку, показывая на меня: «Это твой дедушка?»

И даже не столько это, сколько безудержно-веселая реакция моей дочери.

У нас вот уже несколько лет живет японский мальчик. Получается, что мы живем вчетвером: я, моя жена, дочка и японец. Он появился в один прекрасный день, и мы его приютили, сами не зная почему. Мы предоставили японцу кров и стол и со временем отдали его в детский сад. Мы стараемся не досаждать ему чрезмерным вниманием, но совсем не замечать его присутствия не можем.

Между моей дочерью и японцем большая разница. Очень большая. Например, моя дочка, сколько я ее помню (сейчас ей пятнадцать лет), никогда не потела, тогда как японец вечно обливается потом и от него плохо пахнет. Моя дочка моется, даже когда не потеет, а японец, стоит ему утром предложить принять душ, норовит удрать, поднимает крик, катается по кровати или прячется под кровать. Когда нам удастся его заарканить, он начинает отчаянно рыдать. Все призывы к здравому смыслу ничего не дают: он начисто лишен здравого смысла. Приходится ждать, пока японец обессилеет от рыданий. Приходится ждать кучу времени.

Японец возвращается домой, будь то из детского сада или из парка, мокрый от пота. У его пота есть цвет, который ко-

леблется от темно-коричневого до черного – чаще черный. Если японец остается дома, он все равно потеет так же, как в парке. Он носится по всему дому как угорелый, вскакивает на диваны, а иной раз бросается на людей с боевым кличем каратистов «Кия!» – это называется у него играть в кияйю.

Мы постоянно, даже зимой, держим окна открытыми настезь, чтобы при входе в дом не так чувствовался запах его пота.

Не знаю, приходилось ли вам слышать историю о белой и черной корове. Некто, намеревающийся купить корову, интересуется у крестьянина – владельца двух коров, белой и черной, – много ли они дают молока и хорошо ли оно. Крестьянин отвечает, что белая корова дает каждый день очень много хорошего молока.

– А черная? – спрашивает покупатель.

– Черная тоже, – невозмутимо отвечает крестьянин.

На этом история не кончается. Покупатель хочет знать, много ли они едят, и крестьянин отвечает, что белая ест очень много.

– А черная?

– Черная тоже.

Покупатель интересуется весом каждой, спрашивает об особенностях ухода за ними, и, отвечая, крестьянин всякий раз говорит о белой корове и каждый раз добавляет:

– Черная тоже.

Кончается тем, что покупатель не может удержаться от вопроса:

– Извините, а почему вы говорите только о белой корове?

– Потому что белая корова моя.

– А черная?

– Черная тоже.

Это я к тому, что моя дочка – это моя дочка, мой ребенок.

– А японец?

– Японец тоже.

Когда мы пытаемся поговорить с японцем, он, вместо того чтобы слушать нас, поворачивается спиной и норовит улизнуть. Он все время в движении. Лишь в двух случаях этот живчик не двигается, вернее, двигается, но не бегаёт сломя голову, – когда спит и когда смотрит по телевизору мультики: во сне он постоянно ворочается, расходуя уйму энергии, а смотря мультики, то сидит на диване, то ложится, то прыгивает на пол, то, не отводя глаз от экрана, перескакивает с дивана на диван. Правда, ворочаясь во сне и смотря телевизор, он нам, слава богу, не мешает, и в это время мы находим его вполне сносным.

Иногда, смотря свои мультики, он делает то, чего я ни у кого до нашего японца не видел: не отрывая взгляда от телевизора, этот непоседа медленно вскарабкивается на спинку дивана и растягивается на ней. Непонятным образом ему

удается ловко удерживаться наверху минут десять кряду, и эти десять минут – самое продолжительное за весь день время, в течение которого он не двигается, застыв на узкой верхушке диванной спинки. Впечатление такое, что при всей своей сомнительной в данном случае надежности это единственное место, где наш японец в состоянии преодолеть инстинкт непоседливости.

В эти минуты мы издали наблюдаем за ним с удивленными лицами, с какими следят в цирке за выступлением акробатов на трапеции. Иной раз, когда в доме гости, мы требуем от него не шуметь и подаем ему в этом пример. Все, включая нас самих, удивляются, почему японец выбрал наш дом, выбрал нас, и никто, включая нас самих, не может объяснить причину этого выбора.

С дочкой за ужином мы разговариваем. Иногда по вечерам она бывает неразговорчивой, иногда говорит охотно, и тогда мы болтаем на самые разные темы. Японец же с нами не ест, он ест или уже поел в другом месте – например, на диване, смотря свои мультики, и для нас чем дальше мы от него, тем лучше. Без японца нам спокойнее. Мы не хотим, чтобы нам мешали говорить с себе подобными, и бываем рады умиротворяющему воздействию на него мультиков, поглядывая в его сторону в надежде, что он в очередной раз уснет на диване и мы сможем перенести его в постель.

Нашему японцу постоянно подавай мультики, ради которых он вечно просит включить ему телевизор, и мы охотно

соглашаемся. Когда же он об этом не просит, предпочитая, весь в поту, носиться с оглушительными воплями по дому, мы сами спрашиваем: «Хочешь мультики посмотреть?» И включаем телевизор, даже если японец говорит «нет».

Слово, которое японец произносит чаще всего, – «Кия!». Он может произносить его как несколько раз подряд «Кия, кия, кия!», сопровождая загадочными жестами, похожими на воинственные, так и соединять в одно длинное «Кияааааай!», означающее, что он собирается решительно броситься на вас.

Это слово, заключающее в себе угрозу, не сходит у японца с языка. Вернее, сначала он бормочет что-то невразумительное, состоящее из набора слов типа форма / удар / защита / сильнее / вперед / дистанция, и только потом следует «Кияаааааай!».

Каждое предшествующее слово звучит все более решительно и подкрепляется угрожающими движениями тела и рук.

Я смотрю на него и, улыбаясь, киваю головой. Но вообще-то я его не понимаю, не понимаю, почему он такой непоседливый. Брал бы пример с моей дочки.

Его любимая игра под названием «игра в кияйю» заключается в том, что я должен неподвижно лежать или сидеть полулежа на диване либо на кровати, а японец тем временем

располагается поодаль и как заведенный воинственным тоном произносит странный набор слов: смотри на него / вот он / руки / сильный / готов / защита / победить, после чего с истошным воплем «Кияааааааай!» неожиданно обрушивается на меня всей тяжестью своего тела, стараясь причинить мне нестерпимую боль коленом, стопой или локтем.

И причиняет-таки.

Я кричу от боли, прошу: кончай эту гребаную игру. Он плачет, злится:

– Ты сам сказал, чтобы мы поиграли в кияйю.

– А ты сказал, что будешь осторожен, – говорю я.

Но спорить с японцем бесполезно.

Многие коллеги при виде меня удивляются, что случилось, откуда на моем лице синяки, ссадины, царапины. И мне не хочется говорить, что виноват в этом японец, во избежание лишних объяснений я предпочитаю отмалчиваться, заставляя недоумевающих подозревать невесть что. С еще большим подозрением они смотрят на мою жену с опухшим лицом и синяком на скуле и не находят ничего лучше, чем посоветовать ей заявить на меня в полицию.

Лучшее для нас время дня – минута, когда японец засыпает. Лучшее, не считая, разумеется, часов, когда он в детском саду, а мы на работе. С тех пор как японец живет в нашем доме, мы необыкновенно любим свою работу, благодаря чему ее эффективность намного выросла. Не раз меня и мою

жену, каждого на его работе, ставили в пример сослуживцам, отмечая наше трудолюбие и исполнительность. Никому невдомек, что мы работаем с удовольствием по той простой причине, что японец в это счастливое для нас время далеко.

Если же говорить о худшем времени, то оно приходится на уикенд, когда мы не ходим на работу, наша дочка не ходит в школу, а японец в детский сад.

По утрам японец обычно просыпается очень рано независимо от того, нужно ли ему идти в сад или нет. Не успев открыть глаза, он рывком вскакивает с постели и принимает стойку каратиста, готовый издать свой излюбленный боевой клич.

Через секунду он уже носится с воплями по дому, обливаясь потом.

Нужно стараться во что бы то ни стало быть на ногах раньше, чем японец проснется, прежде, чем мы услышим его неотвратимое приближение, до того, как он распахнет дверь в спальню, вскочит с разбега на постель и обрушит со всей силы удары, не разбирая, приходятся ли они по матрасу или по живым существам, каковые представляем собой я и моя жена. Потом японец завтракает, неизменно рассыпая корн-флекс не только на стол, но и на пол, опрокидывая чашку с молоком и невозмутимо топчась через минуту-другую в молочной луже.

После еды пальцы у японца всегда в разноцветной грязи, палитра которой странным образом не имеет ничего общего

с цветом того или иного из съеденных блюд.

В субботу и воскресенье нам не остается ничего другого, кроме как заниматься с утра до вечера японцем. Мы стараемся дать ему возможность часами смотреть мультики, но это не спасает: субботние и воскресные дни в обществе японца тянутся так долго, что кажется, будто им не будет конца. Как правило, эти дни не обходятся для нас без некоторых увечий, не говоря уже о том, что нервы часто не выдерживают и мы с женой ссоримся из-за японца, настаивая каждый на своем праве куда-нибудь улизнуть в конце недели (хотя бы на уикенд). У моей дочери японец вызывает самые настоящие приступы истерии, и она нередко бросается на него с кулаками, так что нам приходится загораживать его собой, думая при этом, что мы были бы рады, если бы кто-нибудь хорошенько его поколотил. Когда дочке удается преодолеть живую преграду, японец, чувствуя, что дело плохо, становится в боевую стойку и с криком «Кия!» идет в контрнаступление, нанося ей один за другим болезненные удары, и она заливается горячими слезами, а японец говорит, что он не виноват, что она начала первая. И нельзя сказать, что он не прав.

В конце концов мы все трое прощаем японца, чтобы не озлоблять его лишними упреками. По субботам и воскресеньям мы стараемся занять японца, водя его в парк, где ему доступна уйма развлечений: он может, пренебрегая опасностью, лазать, пока не надоест, по деревьям, карабкаясь с вет-

ки на ветку, с бешеной скоростью бегать вверх-вниз по крутой деревянной горке, может ни с того ни с сего давать кулаком под дых кому-то из сверстников, скидывать малышей с качелей, чтобы тут же броситься наутек, может давить улиток и все это время обливаться темно-коричневым или черным потом.

Безусловно, лучшее для нас время с тех пор, как в доме появился японец, – утро понедельника. Открыв в понедельник утром глаза, мы с женой смотрим в постели друг на друга и блаженно улыбаемся. И даже если за дверью слышится приближающийся топот японца, нам все равно. Все равно потому, что в понедельник утром происходит запуск японца на детсадовскую орбиту.

Если в остальные будние дни мы с женой изо всех сил стараемся переложить друг на друга обязанность провожать японца в сад, то в понедельник отчаянно боремся за право быть его провожатым. Что касается меня, я в таких случаях готов на любой бартер, и переговоры идут весело благодаря неизменной утренней эйфории в первый день недели, когда мы кажемся очень даже счастливой парой.

После двух дней с японцем на голове мне не терпится во что бы то ни стало самому отвезти его в детский сад. Я сажаю его на мотороллер и полным ходом мчусь к саду. В отличие от других дней, когда я считаю нужным отвести его внутрь, чтобы для собственного спокойствия передать с рук на руки воспитательнице, утром в понедельник, сытый по горло му-

чительными выходными, я делаю то, что может показаться ужасным лишь человеку, не представляющему себе, что значит провести два дня с японцем: подъезжая к детскому саду, заранее сбрасываю скорость и, остановившись у ворот на секунду, которой достаточно, чтобы опустить ноги на землю, хватаю японца и вталкиваю во двор. Воспитательницы успели к этому привыкнуть и ждут меня, чтобы принять его раньше, чем он упадет, споткнувшись (на всякий случай я не снимаю с него шлема).

После этого я даю газ и устремляюсь навстречу жизни, работе, любому делу, к которому японец не имеет ни малейшего касательства.

Дома, стараясь отвлечься от мыслей о японце, я люблюсь дочкой. Ей с трудом и не сразу удалось привыкнуть к присутствию японца, но в любом случае, по-моему, она переносит его присутствие более стойко, нежели мы. Она терпеливее нас, и если он ее раздражает, не только не канючит, но, умея постоять за себя, сама выясняет отношения с ним. Нас она ни в чем не винит. Честно говоря, иногда своими выходками японец даже забавляет ее. Часто я думаю, глядя на нее, что был бы рад, если бы она была похожа на меня, но поскольку не уверен, что это так, мне кажется, что я охотно бы согласился быть похожим на нее в том, как трезво она смотрит на мир, как уверенно чувствует себя в жизни. Мне нравится наблюдать за ней, смотреть на нее, когда она разговаривает

с другими. То, как она двигается, как говорит по телефону, как рассуждает, как заступается за слабых, не оставляет меня равнодушным. Я люблю ее безмерно, мне очень хорошо с ней. Думаю, что она – мой самый любимый в мире человек.

А японец?

Японец тоже.

Когда тебе показывают чьего-нибудь двойника и ты видишь, что он на него не похож.

Операторы колл-центра звонят мне, чтобы сделать выгодное коммерческое предложение, но им не хватает настойчивости. Говорю им, что я работаю, и они тут же трусливо кладут трубку.

Мне бы хотелось, чтобы они были настойчивее, чтобы уговаривали меня, стараясь убедить в ценности предложения, чтобы проявляли должную назойливость.

Разумеется, так или иначе, я все равно бы сказал нет.

Нравящаяся тебе женщина хочет привести пример мужчины, которому она бы дала. Задумалась и начинает: типа...

И ты ждешь, что она скажет: такой, как ты.

Но она этого не говорит. Никогда.

Я возвращаюсь из Милана. Девять часов вечера, а быть может, чуть больше, потому что поезд опаздывает. Он сбавляет

вил скорость задолго до прибытия на вокзал, и этому я всегда рад. Я всегда жду минуты, когда, будь то днем или ночью, поезд начнет медленно проезжать через какой-нибудь населенный пункт, и это позволит мне заглянуть в окна и мельком увидеть людей, занимающихся своими делами, сидящих за ужином, увидеть включенный телевизор, человека, который одевается, который спешит к телефону. Который плачет или, если мне повезет, смеется. Я могу увидеть целые города, которые живут так же, как живу я, но без меня, не зная о моем существовании, не подозревая, что в эту минуту перед моими глазами пробегают чужие жизни и я не только оцениваю их, но и воссоздаю. Оставаясь невидимым, я убеждаюсь, что мир не стоит на месте. Убеждаюсь вместе с другими пассажирами поезда в ту минуту, когда путешествие для меня по-настоящему только начинается.

Когда не понимаешь, о чем говорит реклама, это значит, что рекламируемый товар – машина.

Люди, которые на бегу показывают мне издали знаками, что позвонят позже. «Созвонимся», – читаю я по губам. Как бы не так: обещают позвонить и не звонят.

Когда официант приносит мне заказанное блюдо, а остальным еще нет. Я смотрю на соседей по столу, давая им понять, что жду от них слов: «Ешь, а то остынет».

Но они молчат.

Убирая со стола грязные от соуса тарелки, счищать остатки соуса в мусорное ведро.

Две фразы, преследующие меня всю жизнь:

«Если я скажу тебе, из чего делают моцареллу, ты больше в рот ее не возьмешь».

«Труднее всего приготовить спагетти аль помодоро».

Дружно сидим за ужином. Болтаем, едим, пьем вино. В один прекрасный момент кто-нибудь говорит мне:

– Расскажи ту забавную историю. – И приглашает остальных: – Послушайте, вам понравится. История и впрямь забавная.

Все молча поворачиваются ко мне.

Трудная минута.

При человеке не говорят про него: «Не представляешь, какой он симпатяга, не представляешь, какой он умница, не представляешь, какой он красавец». Не говорят в ожидании рассказа: «Не представляешь, какая забавная история». Обычно тех, к кому обращены такого рода слова, ждет разочарование.

Но деваться некуда – приходится начинать. И когда я закончу, слушателям не останется ничего другого, кроме как подумать: «Ну и что тут забавного?»

Все гигантские тоблероны, которые можно увидеть только в аэропортах.

В доме, где мы поселились, переехав в Рим, были высокие потолки, так что сама собой напрашивалась антресоль, за счет которой увеличивается площадь квартиры. Поэтому, вселившись, мы с женой выбрали себе комнату для спальни и решили, поскольку комната была небольшая, поставить кровать внизу и заказать антресоль с встроенным платяным шкафом.

Так мы и сделали. Рядом с кроватью начиналась лестница, ведущая наверх, где в длинном встроенном шкафу мы держали одежду.

Первую пару дней я не мог нарадоваться такому удачному решению: я поднимался наверх, брал из шкафа одежду и, довольный, возвращался вниз. Но уже на третий или на четвертый день, точно не помню, я спросил жену, собирающуюся подняться на антресоль: «Нехватишь заодно рубашку для меня?»

С тех пор я туда больше не поднимался. Я ждал, когда туда полезет она или кто-то еще, и просил принести мне то трусы, то брюки, то что-нибудь еще. Вскоре жене это надоело, и в один прекрасный день я услышал от нее:

– А что тебе мешает самому взять свою одежду?

Но было поздно. Я уже решил на антресоль больше не ла-

зить.

Я стал носить две имевшиеся внизу рубашки, начал стирать по вечерам трусы, чтобы чистыми надеть их утром, а одну и ту же майку носил теперь по несколько дней. Время от времени приходилось перехватывать вещи после стирки, пока их не переправили вверх, – иначе мне было бы нечего надеть. Кое-кто из друзей, с которыми я делился, спросил меня однажды:

– А почему бы тебе не прикупить что-нибудь из одежды?

Я ответил, что доволен своим гардеробом, имея в виду вещи, которые спустил с антресоли в первые два дня.

Настал день, когда мы сменили квартиру. Новая квартира была в том же районе и оказалась с такими же высокими потолками. Спальня в ней тоже была маленькая. Против антресоли я не возражал, но предложил сделать наоборот. Жена поняла, что я имел в виду, и согласилась со мной. Теперь у нас большой платяной шкаф внизу, а наверху кровать и две тумбочки. На антресоль ведет красивая винтовая лестница, правда, довольно крутая.

В первый вечер, несмотря на крутизну лестницы, я с удовольствием взобрался вверх. И во второй и в третий тоже. А на четвертый объявил: «Сегодня я лягу с сыном». И, пройдя в его комнату, сказал: «Подвинься». Лег рядом, и мы дружно заснули. Утром я проснулся в хорошем настроении, довольный, что не пришлось лишних два раза лазить по лестнице – с вечера вверх и с утра вниз. Я и без того уже был внизу.

Жена спросила:

– Почему ты сегодня не спал?

– А я спал с ним.

То же повторилось и на следующий вечер. После этого я попробовал лечь на диване, и мне понравилось. С тех пор на антресоли я уже не спал.

Зато с одеждой больше никаких проблем.

Люди, которые хотят знать, как работает то или иное устройство: им мало того, что оно работает.

День, когда я начал изучать химический состав на этикетках минеральной воды.

Ума не приложу, почему ни одна из женщин, которых я знал в жизни, ни разу не поступила так, как поступил бы я, если был бы женщиной. Будь я женщиной, я бы вышел в один прекрасный день из дому с уймой денег и купил на всю сумму прокладок. В таком количестве, чтобы хватило на годы. Гору картонных коробок с упаковками по тридцать, по пятьдесят, по сто штук. Я вызвал бы грузовое такси и перевез покупку на заранее арендованный исключительно для прокладок склад. И, на худой конец, был бы рад оставить сотню-другую в наследство.

Уж я бы позаботился о том, чтобы избежать случаев, когда начинается менструация, а у тебя нет прокладок. Как будто

ты забываешь про менструацию и она каждый раз застаёт тебя врасплох.

Участниками этой истории были я, моя мать и президент Джорджо Наполитано. И связана эта история с занятиями каждого из нас троих: я пишу сценарии, моя мать владеет рестораном, а Джорджо Наполитано в течение многих лет был президентом Италии.

Я пишу сценарии для ряда известных режиссеров, благодаря чему оказался однажды в числе кандидатов на премию «Давид ди Донателло». По традиции в день вручения премии кандидаты встречаются утром в Квиринальском дворце с президентом Республики. Таким образом, нам с Наполитано предстояло встретиться и обменяться рукопожатием.

Узнав об этом, мать тут же позвонила мне с настойчивой просьбой:

– Когда увидишь Наполитано, обязательно скажи ему, что он играл свадьбу в моем ресторане.

– Боюсь, что не смогу этого сказать.

Она настаивала:

– Прошу тебя, обещай, что скажешь, ему будет приятно.

– Мама, а ты уверена, что он играл свадьбу в нашем ресторане? – спросил я.

Она обиделась.

– Обещай!

В то утро, когда я первый раз в жизни оказался в Квиринальском дворце, все остальные весело улыбались и пото-

му, что были выдвинуты на премию, и потому, что попали в Квиринальский дворец, и потому, что день выдался погожий и солнце, проникая через широкие окна, заливало зал. Я тоже был в хорошем настроении, польщенный местом в списке номинантов на почетную премию, но в то же время не забывал, что мне придется прервать церемонию словами: «Простите, господин президент, но я должен сказать вам одну вещь». И, к всеобщему удивлению, произнести заготовленную фразу «Вы играли свадьбу в ресторане, принадлежащем моей семье», и, как заверила меня мать, президент будет рад услышать это.

Каждый, по очереди вставая, пожимал руку президенту, который, коротко улыбнувшись, переходил к следующему. Никто ничего президенту не говорил, и хорош бы я был, если бы позволил себе нарушить строгую церемонию. Так что я просьбу матери не выполнил.

Расстроенная мать месяцами допытывалась, почему я этого не сделал. Я пытался объяснить ей причину, но она ничего не хотела слушать и только повторяла грустно: «Но ты же обещал».

Однако дело этим не кончилось. Президент Итальянской Республики избирается на семь лет, и до конца этого срока я еще несколько раз номинировался на «Давида ди Донателло». И каждый раз мама с нетерпением ждала объявления короткого списка. Ее интересовала не сама премия, ей было

важно, чтобы я оказался в числе претендентов и она могла позвонить мне, чтобы потребовать: «Обещай, что теперь ты ему это скажешь».

Не успевали обнародовать список с моей фамилией, как она звонила. Я тоже с нетерпением ждал объявления шорт-листа, но потому лишь, что надеялся не попасть в него, остаться за бортом: психологическое бремя с каждым разом становилось все невыносимей. И что же? Объявляли кандидатов, и друзья наперебой звонили мне с поздравлениями или присылали поздравительные эсэмэски, но меня это по-настоящему не радовало. Я знал, что должен радоваться, хотел бы радоваться, но при всем желании радоваться не мог. Почему? Да потому, что тут же неизменно звонила моя мать. И наступало утро, когда я шел в Квиринальский дворец на соответствующую церемонию, все участники которой светились от счастья – все, но только не я: меня мучила мысль о минуте, когда я должен буду, пожимая президенту руку, произнести злополучную фразу. Потому что на этот раз я действительно должен был ее произнести. Должен был побороть нерешительность, пересилить не покидавший меня страх. Иначе я снова глубоко огорчил бы мать.

Важно было набраться храбрости, и я говорил себе: сейчас я встану, пожму ему руку и скажу: «Господин президент, я должен вам сказать одну вещь». И, пока ретивые охранники будут тащить меня к выходу, выпалю скороговоркой, как выпаливают в рекламе противопоказания к приме-

нению лекарств: «выиграли свадьбу в нашем ресторане вы рады что я вам это сказал?»»

Однако сколько я ни репетировал, в результате ничего не менялось: президент протягивал мне руку, улыбался и переводил взгляд на следующего, так и не услышав от меня заготовленной фразы. А не произносил я ее потому, что не решался, потому что подобное было совершенно невозможно. Покидая после этого Квиринальский дворец, я думал, что в следующий раз должен буду прийти с матерью, чтобы показать ей невозможность грубого и, главное, бессмысленного нарушения церемонии. Но тут же представлял себе, как она, не успеваешь президент войти в зал, бросается к нему, чтобы сказать: «Вы играли свадьбу в моем ресторане!»

Впрочем, это еще не все. Должен признаться в одном: если я упорно не говорил президенту о его свадьбе в нашем ресторане, причиной тому, куда более веской, нежели мешавшая мне робость, было подозрение, что в очередной раз мою мать подвела память. При ее памяти я не исключаю, что она путает президента Наполитано с кем-то другим и что много лет назад в нашем ресторане мог играть свадьбу не он, как она утверждает, а неведомый неаполитанский политик. Правда, скорее всего, вовсе даже и не политик, а человек с похожей фамилией или просто человек из Неаполя² – мало ли кто. Я хорошо знаю свою мать, и ей ничего не стоило вбить себе

² Наполитано (*итал.* Napolitano) – неаполитанский, неаполитанец. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

в голову, что это был Наполитано. Послушай я ее, я мог бы рано или поздно на встрече с президентом выложить ему историю с его свадьбой в нашем ресторане и при всех получить ответ, что этого не было. Услышав мой отчет, мать преспокойно сказала бы: «Ну да, значит, это был кто-то другой, не знаю, кто именно, но я запомнила Наполитано. Бывает».

Могло быть и иначе. Допустим, я, собравшись с духом, выполняю ее просьбу, он меня выслушивает, охрана меня не арестовывает, и он подтверждает: «Да, правильно, я женился в вашем ресторане». И добавляет, что для него это не имеет значения. Короче говоря, вопреки предположению моей матери, он вместо того, чтобы радоваться напоминанию об этом, считает, что ему все равно, где он играл свадьбу.

Допустим все-таки, что моя мать права. Но какое для него, ныне президента Республики, может спустя столько лет иметь значение, что кандидат на «Давида ди Донателло» – родственник хозяина ресторана, где он, Наполитано, якобы отпраздновал свадьбу? «Ну отпраздновал, ну и что?» – сказал бы он мне. «Как ну и что?» – сказал бы я ему.

К счастью, хвала небу, семь лет президентства Наполитано пришли к концу. Перед этим он решительно объявил, что, несмотря на непрекращающееся давление со стороны всех политических сил, не согласится на новый президентский мандат. Я его понимал: согласие на переизбрание было бы очевидной ошибкой. Многие, правда, находили, что

он не прав, что разумнее было бы все же согласиться. Моя мать говорила, что было бы хорошо, если бы он остался, и я знаю почему. Многие влиятельные газеты пытались давить на него, но Наполитано был тверд и не уступал давлению: вопрос о переизбрании был для него решен раз и навсегда.

К чему это привело, все мы знаем. Ни Проди, ни Родота, ни Марини не получили в парламенте достаточного количества голосов, и это грозило серьезными последствиями. Что-то нужно было делать, и лидеры некоторых партий обратились тогда к Наполитано в поисках пути выхода страны из глубокого кризиса или по меньшей мере решения деликатного вопроса о президенте Республики. Они попросили его согласия на переизбрание, и в конце концов он счел своим долгом согласиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.